

УДК 1(091)

И.А. КОЛИЕВА

ПОСТМОДЕРНИЗМ И ТЕОРИИ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Колієва Ірина Анатоліївна – аспірант кафедри філософії і соціології Дніпропетровського національного університету залізничного транспорту ім. академіка В. Лазаряна

У статті аналізуються особливості інтерпретації теорій сексуальності у постмодерній ситуації.

Ключові слова: сексуальність, постмодернізм, гендер, стать, дискурс, ідентичність, фемінізм

В статье анализируются особенности интерпретации теорий сексуальности в постмодернистской ситуации.

Ключевые слова: сексуальность, постмодернизм, гендер, пол, дискурс, идентичность, феминизм

In the article analysed deals with the peculiarities of the interpretation of the sexuality theories in the situation of postmodernism.

Key words: sexuality, postmodernism, gender, sex, discourse, identity, feminism

© И.А. Колиева, 2011

Как отмечают исследователи, «сексуальность» – один из главных символов постмодернизма [10]. Ученые утверждают, что сексуальность – это именно та нить, которая объединяет тотальность человеческого опыта, та конечная зависимость переменная, которая ставит перед исследователями все больше и больше вопросов, ответы на которые представляются все более и более проблематичными [3]. Сексуальность для человеческих существ не имеет обобщенной, «родовой» реальности, но всегда пробуждает определенное социальное и психологическое «беспокойство». Ученые-постмодернисты доказывают, что сексуальность индивидов должна быть социально продуцирована, социально организована и социально трансформирована. Современные трансформации, безусловно, привнесены постмодернизмом наряду с глобализацией, феминизмом и мультикультурализмом, что демонстрируется в процессе создания новых сексуальных значений. Как и в феминистской философии с утверждением гендера в качестве социального конструкта пола, в теории последних 30 лет также утвердился «социоконструктивистский» подход к сексуальности (У. Симон, Дж. Гейнон и др.). Теоретические положения конструктивистского подхода и символического интеракционизма, философские положения прагматизма, лежащие в основе анализа сексуальностей, несомненно, находятся в поле постмодернизма (хотя и не являются его синонимами). Все они отвергают эссенциалистский мир «фундаментальной истины» (природы, психологии, истории), все ищут множественность и плюрализм, все акцентируют роль языка и символов, знаков и означающих. Деконструктивистская атака Деррида на «логоцентризм», отмечают критики, освобождает от двух «тиранических» понятий, присущих классической философии, – «тотальности» и «сущности». «Тотальность» угнетает, поскольку она неизменно ведет к подавлению всего и всех (тех, которые не могут и не хотят вписаться в систему). Тотальность управляет и индивидуальностью и «другостью» (множественными формами «другости», которые постмодернизм стремится охранить). В более общем конструктивистском взгляде на

сексуальность содержится «скандальная» идея о том, что один из последних «сторожевых постов» природного в нашем мышлении нестабилен и текуч, являясь продуктом человеческой деятельности и истории, а не результатом тела, биологии или внутренне присущего полу «драйва» [13]. Таким образом, и прагматизм, и конструктивизм, и постмодернизм подвергли сомнению «Великие нарративы» сексуальности. Брошенный философами постмодерна вызов фундаментальным парадигмам в совокупности с проблематизацией исторического процесса в гендерном аспекте сформировал новый подход к общественным проблемам и дал простор для развития нового анализа, включающего сексуальность. Постмодернисты пишут о сексуальности, вводя в свой теоретический мир власть, гендер, дискурс, идентичность, что, в целом, заставляет социальную теорию рассматривать сексуальность весьма серьезно [14].

Две основные темы высвечиваются в конструктивистских работах по проблематике сексуальности. Первая – это власть символизма в сексуальности: значение языка, символа и метафоры как составляющих сексуальность индивидов. Подобный подход базируется на символическом фундаментализме, представленном в трудах М. Фуко, Ж. Лакана, Ж. Деррида и ставшем частью постмодернистской философии. Как известно, в центре этой концепции находится тезис о недоступности реальности для человеческого понимания вне структур языка. Таким образом, понимание реальности и всех ее составляющих, включая пол и сексуальность, опосредовано языком, навязывающим человеку определенные клише. Вторая тема – это апокалипсические социальные изменения, которые медленно (но неотвратимо) надвигаются на нас. Ученые настаивают: сейчас мы проживаем наши жизни совершенно отличным образом от всего того, что человечество знало ранее. Наше время – постпарадигматический период, характеризуемый интенсивной плюрализацией, индивидуализацией и множественностью выбора. Быстрые социальные изменения стали нашим обычным состоянием, но такого никогда не было ранее. Как доказывает У. Симон, сексуальность в

огромной степени зависит от возможного (зачастую, непредвиденного) контекста и «метафорической путаницы». Люди изобрели множество метафор, с помощью которых они изъясняются, думают, пишут и «осуществляют» свою сексуальность. В западном мире перечень метафор сексуальности огромен, зачастую они смешаны в массивной противоречивой паутине. Но, хотя наша сексуальная жизнь «закрыта» в экстенсивном метафорическом мире, большая часть этого мира уже настолько «мертва», что мы не воспринимаем его метафорически: он стал нашей сексуальностью [16].

Если символизм и метафора – одна из важнейших тем в трудах по сексуальности, то изменение – не менее значительная тема. Для У. Симона, например, современный мир изменяется все быстрее и быстрее, влияя на все большее количество жизней: он вступил в «постпарадигматическую» фазу, где консенсусные отношения растворены в плюрализме, авторитеты ослаблены, выборы множественны, время и пространство изменили свой порядок, природное подверглось деконструкции и денатурализации [14]. Были запущены процессы, признающие различия, релятивизм, изменения, то есть потенциальный хаос и огромные возможности. Одновременно возникли радикальные версии выбора новых сексуальностей, «разведенных» с традиционной религией, структурами традиционной семьи, традиционными этническими и прочими сообществами. Появилось пространство для новых видов сексуальности, что, безусловно, связано с новой «постмодерной культурой» как последней стадией современности: ускоряющейся и расширяющейся. Для Ж. Бодрийера постмодерн – это «характеристика вселенной, где более невозможны дефиниции... Все уже сделано. Экстремальный предел возможностей достигнут. Произошло саморазрушение. Произошла деконструкция всей вселенной. Все, что осталось, – это разрозненные части. Все, что осталось делать, – это играть с этими отдельными частями. Игра с частями целого – это и есть постмодерн» [9]. Некоторые ученые считают, что постмодерн – это период деструктуризации, деунификации, децентрализации. И все эти «де» неизбежно повлияли на пол и сексуальность. Пол (sex) перестал быть эссенциальным унитарным центром, расположенным в границах четких рамок.

Как отмечают исследователи, женская сексуальность всегда была привлекательной темой в дебатах ученых разных направлений в целом, наук, стремящихся показать, как женская сексуальность маскируется и деформируется в социокультурном контексте. Т. Власова подчеркивает, что искажение фемининного всегда описывалось в терминах особого вида условности, и сейчас специфический характер той условности достаточно отчетливо виден: женщина рассматривается как сексуальный объект для оценки и исследования другим сексуальным существом – мужчиной. Ее сексуальность отрицается и идентифицируется как пассивность [2, 60]. Как замечает Г. Гриер, характерные женские черты, которые восхваляются и вознаграждаются, – это характеристики евнуха (кастрата): робость, скромность, апатичность («томление»), деликатность, утонченность, изысканность [8, 17]. Сложный конгломерат навязанных характеристик души и

тела лежит в основе самого главного фемининного стереотипа – мифа о Вечной женственности, и сейчас правящего нашей культурой и олицетворяющего то, к чему должны стремиться женщины. Все это неразрывно связано с фундаментальными основами общественного бытия. По утверждению философов-феминистов, в наше время статус частной сферы, в широком понимании охватывающей регулирование сексуальных отношений, вызывает некоторые ожесточенные и глубокие культурные противостояния. С. Бенхабиб и другие феминистки делают вывод о том, что женщины и женское тело – это культурно-символическая «доска», на которой человеческие общества записывают свой моральный кодекс [1]. Бенхабиб описывает современную эпистемологию как оперирующую тройными различиями: порядок репрезентации в нашем сознании (идеи или чувства), знаки, посредством которых эти приватные порядки были сделаны публичными, – а именно, слова, – и то, к чему они относятся. Реакция против современной эпистемологии может поэтому идентифицироваться как вовлекающая критику субъекта/объекта модерна и современной концепции языка. Отражать маскулинное и фемининное в культуре означает занимать различные позиции, что непосредственно отражается в области языка. Онтологическая спецификация бытия и взаимоотношений понимается как определяемая языком, структурированным патерналистским законом и его механизмами дифференциаций (Дж. Баглер, С. Бенхабиб, С. Хардинг). Профеминистские теоретики утверждают, что для удовлетворения требований справедливости в частной сфере необходима не поверхностная социальная реформа, а глубинная трансформация на уровне межличностных отношений, вовлекающая и обозначающее и обозначающее.

П. Бурдьё, анализируя всепроникающую мужскую власть, замечает, что доминирование происходит посредством «символического» насилия, «нежного» насилия, непостижимого и невидимого даже для его жертв. Символическое насилие является, по мнению знаменитого французского теоретика, самым мощным оружием в арсенале мужского господства. В одно из последних изданий «Мужского доминирования» Бурдьё включил также послесловие о проблеме доминирования в любви, поставив вопрос таким образом: является ли любовь исключением к закону о мужском доминировании или высшей формой насилия? В весьма романтическом ключе французский философ дает утвердительный ответ на первую часть альтернативного вопроса [7]. Но проблема в том, что и этот «метанарратив» подходит к концу: мы видим фрагменты сексуальности. Сексуальность становится все более и более рефлексивной, все более и более «погруженной в контекст», различной по форме (от секса по телефону до интернет секс-кафе); дифференцированной и разнообразной (плюральность значений, действий, идентичностей), рекурсивной (зависимой от масс-медиа), чрезмерной («гиперболическое сумасшествие»). Сексуальность все более и более напоминает пастись – сексуальные идентичности размыты и изменчивы [12].

Критики неоднократно отмечали, что французские

феминистки 70-х годов полностью отказались от экзистенциалистского подхода Симоны де Бовуар [11, 96]. Отвергая либеральное стремление Бовуар к равенству с мужчинами, французские феминистки акцентировали внимание на различиях. Превознося право женщин лелеять свои специфически женские ценности, они отказались от «равенства» как от некоего «укрытия» или попытки принудить женщин стать такими, как мужчины. Подлинная картина, безусловно, намного сложнее. Как пишет Т. Мой, несмотря на свою весьма отличную теоретическую ориентацию, многие центральные темы у Юлии Кристевой (например, ее желание дать теорию социальной революции, основываясь как на классе, так и гендере; ее эмфаза конструкта фемининности) имеют значительно больше общего с взглядами Бовуар, чем с романтизированным видением женского тела у Э. Сиксу. Таким же образом впечатляющая критика подавления женщины в патриархатном дискурсе иногда прочитывается у Люси Иригарэ как постструктуралистское переписывание анализа женщины в качестве Другого у Бовуар. Тем не менее исследователи подчеркивают: ничто так не способствовало «устареванию» «Второго пола», как то, что С. де Бовуар отвергла психоанализ. И Сиксу, и Иригарэ, и Кристева в огромном долгу у Лакана, его постструктуралистского прочтения Фрейда. Лакан заимствует теорию психоанализа об обретении гендерной идентичности, утверждая, что эта стадия наступает тогда, когда ребенок разрешает Эдипов комплекс и входит в «символический порядок» языка, законов и социальных воздействий. Из-за того, что значение языка постоянно меняется, обретение субъективности и половой идентичности никогда не завершается и по-разному переживается каждой женщиной. Половая идентичность, следовательно, изначально неустойчива, и сам термин «женщина» не является постоянной и единой категорией. Символический порядок вовлекает маскулинные структуры, которые никогда не смогут представить женственность, поскольку она

находится вне «фаллического дискурса» и постоянно из него исключена [4; 6].

Критики замечают, что французский феминизм не является единой концепцией. Например, концепция теоретика «сексуальных различий» Элен Сиксу может быть понята как утопическое видение женской креативности в действительно «несексистском обществе». О. Поспелова пишет, что акцентирование Воображаемого, свойственное Сиксу, – общее место утопического письма, что позволяет рассматривать ее как представительницу утопического феминизма [5]. Используя понятие зеркальности, Л. Иригарэ, в противовес Фрейду, считавшему, что женская сексуальность стирается в зеркальном отражении, утверждает, что сексуальное удовольствие женщины состоит не в отражении, а в прикосновении. Язык женщины – особый, он недоступен мужскому дискурсу, ибо женская речь всегда не идентична тому, что она подразумевает, в силу включенной в нее «другости». Ю. Кристева, впервые сформулировав и обосновав понятие интертекстуальности, способствовала движению феминистской критики, выступив с концепцией «женского письма». Несмотря на то, что между этими авторами существуют сложные и глубокие разногласия по многим вопросам феминистской теории, их, как известно, объединяет убеждение в необходимости исследовать отношения между языком, сексуальностью и властью и выработать «нефаллоцентрические способы мышления».

Ученые, исследующие сексуальность, всегда пишут о постмодерне [15]. Природу «я» и идентичности в XXI веке невозможно исследовать вне теоретического поля постмодернизма. В то же время все солидные западные труды последних лет, посвященные «поздней современности», не обходятся без рассмотрения сексуальности. В постмодернистских проектах еще много теоретического пространства как для анализа природы субъективации и изменений идентичности, так и для исследования многих других проблем, составляющих понятие сексуальности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос, 2003. – с. 99.
2. Власова Т.И. Гендер и сексуальность в трансформациях постсовременности/ Вісник Дніпропетровського університету. Філософія. Соціологія. Політологія. – Вип. 20(1), 2010. – с. 58-63.
3. Долімор Дж. Сексуальне дисидентство. Від Августина до Вайада, від Фрейда до Фуко. – К.: Основи, 2004. – 558с.
4. Иригарэ Л. Пол, который не единичен // Гендерные исследования. – Харьков: ХУГИ, № 3, 1999. – с. 64-70.
5. Поспелова О. Политика, утопическое мышление и феминизм // Новые направления политической науки. – М.: РОССПЭН, 2007. – с. 13-25.
6. Сиксу Э. Хохот Медузы // Гендерные исследования. – Харьков: ХУГИ, № 3, 1999. – с. 71-88.
7. Bourdieu P. Masculine Domination. – Stanford: Stanford University Press, 2001. – 133p.
8. Greer G. The Female Eunuch. – London: Harper Perennial, 2006. – 397p.
9. Kellner D. Learn Baudrillard: From marxism to postmodernism and beyond. – London: Polity Press, 1989. – P. 116.
10. Link B.G., Phelan J.C. Conceptualizing Stigma. – Annual Review of Sociology. – № 27, 2001. – P. 363-385.
11. Moi T. Sexual /Textual Politics. – London and New York: Routledge, 2001. – 221p.
12. Plummer K. Telling Sexual Stories: Power, Change and Social Worlds. – N.Y. and London: Routledge, 1994. – 256p.
13. Rich A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence // Desire. The Politics of Sexuality. Eds. A. Snitow, Ch. Stansell, Sh. Thompson. – London: Virago, 1983. – P. 212-240.
14. Simon W., Gagnon J.H. Sexual scripts: permanence and change // Archives of Sexual Behavior. – № 15(2), 1986. – P. 97-120.
15. Weeks J. Remembering Foucault // Journal of the History of Sexuality. – Vol. 14, № 1-2, 2005. – P. 186-201.
16. Weeks J. Sexuality and Its Discontents: Meanings, Myths, and Modern Sexualities. – London: Routledge, 2003. – P. 1-10.